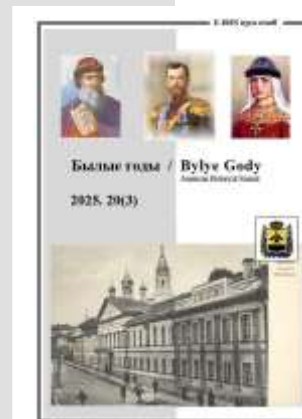

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1495-1505
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1495

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“He Remained Faithful to His Duty” (to the Biography of the Archaeologist K.N. Lyubarsky. The Pre-Revolutionary Period)

Yulia G. Kokorina ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to revealing the biography of the little-known Russian archaeologist Kassian Nikolaevich Lyubarsky (1886–1920), who was shot by order of the Arkhangelsk Department of the All-Russian Emergency Commission in 1920. As the study showed, K.N. Lyubarsky was not only a professional archaeologist, but also a true citizen of his country. The creation of a life portrait of an extraordinary personality, which was K.N. Lyubarsky, determines the relevance of this article. The work was carried out on the basis of practically unused materials that are stored in the archeologist's archive, which determines its novelty. The chronological framework of the work covers the scientist's life from birth to the revolutionary events of 1917–1918. The purpose of the work is not only to reconstruct the biography of K.N. Lyubarsky, but also to characterize him as a scientist and a person. An analysis of archival materials has shown that K.N. Lyubarsky from a young age established himself as a thorough and attentive researcher who used methods new to archaeology at that time, such as photographing objects. During his expedition to the Caucasus in 1915, K.N. Lyubarsky carefully describes and photographs the studied objects, independently performs graphic reconstructions and plans of temples and fortresses. The absence of drawings and photos of burials in his diaries can be explained by the imperfection of the excavation methodology that existed in his time, the inferiority of which he was aware. The scientist saw the main goal of his life in the preservation of historical and cultural monuments, for which he actively fought until his last days. K.N. Lyubarsky was an outstanding poet, artist, and composer. He had a keen sense of the nature of the places where he had to work, possessed high moral qualities, was a loyal friend and a grateful student. During the Russian Civil War, he selflessly fought to preserve the monuments of the Russian North from destruction and plunder, and sought to inspire others with an understanding of love for antiquities and a sense of patriotism. On false charges of collaborating with the French interventionists, he was sentenced to death by firing squad, repeating the fate of many science enthusiasts who died during a difficult time for Russia.

Keywords: history of Russia, history of archeology, archeology of the Caucasus, art of Ancient Russia, monument protection, K.N. Lyubarsky.

1. Введение

В название статьи вынесены слова из рукописного биографического очерка о российском археологе Кассиане Николаевиче Любарском (1886–1920), хранящемся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. В этих словах – вся суть жизни незадолго до, на наш взгляд, забытого исследователя российских древностей, погибшего в горниле Гражданской войны 1917–1922 гг. в России. Биографии людей, посвятивших свою жизнь науке, всегда поучительны не только для членов научного сообщества, но и широкого круга читателей. На их примере исследователи, живущие в XXI веке, учатся не только профессиональным навыкам, но и личностным и гражданским качествам учёного. То же относится и к археологии и археологам.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina)

Биографии исследователей российских древностей только начинают привлекать внимание историков (Хорошев, 2007; Валентин Лаврентьевич Янин, 2014). Значительный вклад в раскрытие особенностей научной деятельности российских и советских археологов внесли А.А. Формозов (Формозов, 1961; Формозов, 1984; Формозов, 1986; Формозов, 2004; Формозов, 2004а; Формозов, 2007; Формозов, 2011), Л.С. Клейн (Клейн, 2011; Клейн, 2014), И.В. Тункина (Тункина, 2002) и другие историки науки. Их работы посвящены ведущим деятелям археологии, тогда как, на наш взгляд, заслуживают внимания и её малоизвестные энтузиасты. В данной работе мы стремимся представить одного из таких деятелей отечественной науки, который был не только талантливым учёным, но и разносторонне одарённым человеком и настоящим гражданином. Знакомство с такой личностью представляет не только академический интерес. Люди, сочетающие любовь к науке с активной гражданской позицией, востребованы в наши дни. В этом видится актуальность данной статьи.

Наша работа написана на основе архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, мы стремимся не только восстановить биографию и показать научные достижения К.Н. Любарского, но и познакомить читателя с ним как с личностью. Это составляет новизну данной работы. Цель её – введение в научный оборот новых исторических источников и создание портрета К.Н. Любарского не только как учёного, но и как личности. Его деятельность охватывает и период после 1917 г., которому посвящена статья М.П. Мироненко (Мироненко, 2021). Мы расскажем о формировании его как учёного и человека в период до эпохи революций. Кассиан Николаевич, как будет показано далее, отдал жизнь за свои гражданские и научные убеждения, до конца оставаясь верным долгу учёного.

2. Материалы и методы

Материалы для данной статьи хранятся в архиве К.Н. Любарского в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ОПИ ГИМ) (Москва, Российская Федерация). В частности, нами использована биография учёного, рукописный текст которой под названием «По дороге к вершине» хранится в архиве археолога (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1). Автор биографии не указан, предположительно, им была тётя археолога, Прасковья Кассиановна Любарская (Мироненко, 2021: 186). Биография написана подробно, она включает период от детских лет до гибели К.Н. Любарского. Ценность данного документа состоит не только в приведении подробностей, известных лишь близким людям, но и в использовании писем и личных дневников археолога, которые не были переданы в ГИМ и поэтому не сохранились. Текст написан от руки на линованной бумаге с минимумом правок, одним и тем же почерком. О том, что его писал близкий К.Н. Любарскому человек, говорит некоторая идеализация его образа, отсутствие указания на недостатки.

Наша статья представляет собой не просто пересказ данного документа, её композиция имеет целью отдельно представить биографические сведения о К.Н. Любарском, создать его портрет как учёного и человека. Для этого нами использованы другие документы из его архива.

О К.Н. Любарском как археологе позволяют судить дневники его экспедиции на Кавказ (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2, 3), а также хранящиеся в его архиве оттиски публикаций учёного (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18).

Дневники кавказской экспедиции К.Н. Любарского представляют собой переплетённые в жёсткие обложки две тетради с надписями на обложках: «Кавказская поездка летом 1915 г. 1 часть (и 2 часть – Прим. Ю.К.), иллюстрированный фотографическими снимками и чертежами дневник поездки. К. Любарский. Оглавление в конце каждого тома», а также общую тетрадь с указанием краткой информации о виденных в каждом населённом пункте, по которым проходил маршрут экспедиции, археологических памятниках. Действительно, две части дневников кавказской поездки написаны вручную синими чернилами на правой стороне листов разлинованной тетради, на которые наклеены фотографии памятников и выполнены чернилами чертежи и схемы. В первую часть дневника вклеены выполненные чернилами на миллиметровой бумаге план церкви в Хосте, графическая реконструкция колонн храма, а также калька с нанесённой тушью картой западного побережья Чёрного моря с указанием археологических памятников. Записи ведутся по дням, в конце каждой тетради дано оглавление и указано количество чертежей и фотографий. Оглавление создано в хронологическом порядке с указанием объектов, на которых велись работы: «Туапсе (с 28 по 30 июня):

Поездка к дольмену (1 июля)

Туапсе (с 3 по 6 июля)

Индюк 1 раз (11 июля)

Индюк 2 раз (с 14 по 18 июля)

Сочи (с 22 по 24 июня)

Мамай (25 июля)

Хоста (с 26 июля по 2 августа)» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 104).

Вторая часть описания кавказской поездки полностью посвящена раскопкам христианского храма XI в. в Хосте. Кроме оглавления, она завершается указанием на наличие в дневниках 27 чертежей в тексте и 31 фотографии (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 51). Дневники, наряду с описаниями исследований археологических памятников, содержат лирические отступления, посвящённые природе Кавказа,

характеристикам людей, с которыми встречались археологи, записям местных легенд, что позволяет представить их автора не только как профессионала, но и как человека.

В кавказскую экспедицию К.Н. Любарский был направлен Румянцевским музеем в Москве совместно со старшим хранителем музея С.О. Долговым, который под именем «С.О.» неоднократно упоминается в тексте, а завершается дневник искренней благодарностью старшему коллеге (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 47). К сожалению, по не зависящим от автора данной статьи обстоятельствам, привести изображения из дневника не представляется возможным.

Публикации К.Н. Любарского и их оттиски выполнены типографским способом. Среди них – работы молодого археолога «Краткий обзор ризницы Рязанского архиерейского дома» и «Рязанский некрополь. Часть 1. Спасский Мужской монастырь» и «Часть 2. Троицкий мужской монастырь» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 1-61).

Примечательно, что Листы использования архивных дел, кроме единицы хранения, содержащей биографию учёного, не содержат записей об использовании. Это говорит о том, что история жизни и деятельности К.Н. Любарского ускользала от внимания историков. Вводимые нами в научный оборот источники, таким образом, имеют значительную степень новизны.

К.Н. Любарский был не только учёным, но и поэтом, композитором, художником. Портрет его личности дополняет альбом рисунков, которые он делал в Архангельске (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 19). Они выполнены в альбоме из плотной белой бумаги цветными карандашами или тушью и изображают памятники древнерусской старины, Средней Азии и Кавказа, а также фантастические орнаменты. К.Н. Любарский писал стихи, и для его прозаических текстов, будь то письма к родным, дневниковые записи личного или научного плана, характерен яркий, эмоциональный, художественный язык, точность и меткость описаний. Мы хотим, чтобы читатель представил через стиль речи учёного его личность, поэтому в нашей работе так много цитат из его произведений, в том числе и приведённых в биографии исследователя.

Нами использованы такие общенаучные методы, как дескриптивный, позволяющий представить различные стороны личности и деятельности археолога. Работа основывается на принципе объективности, который является ключевым в данном исследовании, как и в любой работе по истории археологии (Формозов, 1984: 65).

3. Обсуждение

История археологии как науки всё больше привлекает внимание исследователей. В России публиковались историко-биографические труды, посвящённые деятельности научных археологических обществ, приуроченные к юбилеям организаций (Веселовский, 1900; Императорское..., 1915; Историческая записка..., 1890). Одним из первых историко-научные исследования российской археологии в советское время предпринял С.А. Жебелев, рукопись которого увидела свет уже в наши дни (Жебелев, 2017). В постсоветское время была переиздана книга Г.С. Лебедева, в которой персоналии российских археологов органично включены в ткань повествования об основных этапах развития археологии в России (Лебедев, 1992). Персоналиям российских археологов посвящены упомянутые выше публикации А.А. Формозова, И.В. Тункиной, Л.С. Клейна и их учеников и продолжателей. В современной России проводятся специальные конференции, посвящённые истории археологии (Московское..., 2024), вышло шесть томов специализированного издания «Очерки истории отечественной археологии» (Очерки..., 2022), публикуются специальные работы о влиянии российской власти на развитие науки о древностях до 1917 г. (Смирнов, 2011).

Л.С. Клейн в предисловии к своей «Истории российской археологии» писал: «Её основной материал – биографический. Я хотел сильно оживить ткань истории своей науки, чтобы мои коллеги вкусили прелесть приближения к интереснейшим фигурам, почувствовали аромат эпох и преемственность поколений. Чтобы читателям легко было осознать, что их предшественники в археологии были такими же людьми, которых можно любить или презирать, что науку делали люди с умом и эмоциями, с достоинствами и слабостями – и что пришедшие им на смену будут так же смотреть на нас» (Клейн, 2014: 8). В данной работе мы используем аналогичный подход, стремясь показать биографию, научные достижения и особенности личности К.Н. Любарского.

История археологии в России рассматривается её исследователями на примерах выдающихся личностей, тогда как современники классиков археологической науки, не обладавшие таким масштабным дарованием или не успевшие его развить из-за ранней гибели, как К. Н. Любарский, оказываются неизвестными научной общественности.

О К.Н. Любарском вышла одна биографическая статья, в которой изучается его деятельность послереволюционного периода по сохранению памятников истории и культуры Русского Севера. Её автор, М.П. Мироненко, приводит краткую биографию археолога и сосредотачивает внимание на борьбе К.Н. Любарского с инертностью архангелогородского общества, союзнической, а потом и советской бюрократией, далёкой от понимания необходимости беречь историческое прошлое страны (Мироненко, 2021: 188). М.П. Мироненко использует работы К.Н. Любарского 1918-1920 гг., ставя своей целью показать всю страстность и сложность борьбы за сохранение памятников древности,

которую вёл археолог, и приводит доказательства надуманности обвинений в пособничестве интервентам, которые стали основой для расстрела учёного. Работа М.П. Мироненко имеет несомненную ценность как обращение к деятельности археолога в постреволюционные годы, но она не представляет его научного и личного пути, которым шёл Кассиан Николаевич к логическому завершению своей жизни, отказавшись уехать за границу в сложное для истории страны время.

4. Результаты

Рис. 1. Кассиан Николаевич Любарский (по: [Мироненко, 2021:192](#))

4.1. Биографическая справка о К.Н. Любарском

Кассиан Николаевич Любарский родился 23 апреля 1886 г. в Москве. Его рождению предшествует драматическая история его матери, Авдотьи Семёновны Любарской, происходящей из старинного дворянского рода. Будучи в Париже, она вышла замуж за француза Юрия Агутена. Брак был заключён в мэрии, а не в православной церкви. По русскому закону такой брак не считался законным, почему будущий археолог носил фамилию матери, а отчество – по крёстному отцу, Николаю Кассиановичу, брату матери. Отец ребёнка угрожал Авдотье Семёновне, обещал отобрать сына, поэтому она решила переехать на родину, в Рязань ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 2](#)).

Для обучения Кассиана в гимназии Любарские переехали в Москву, где Кассиан поступил сначала в частную подготовительную школу, а потом в шестую классическую гимназию. Но недолго, не более года, пробыл он там. Несмотря на свои способности к языкам, за латынь он постоянно получал плохие отметки и отзывы. Как пишет его биограф, «это так удручающе действовало на него, что мать взяла его оттуда и осенью он был принят в реальное училище К.П. Вознесенского, где и окончил благополучно курс, несмотря на плохие успехи по математике» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 8](#)).

К.Н. Любарский сохранил самые тёплые воспоминания о директоре реального училища, которое окончил. Он хранил фотографию наставника с записью: «Милый дорогой дядя Костя! Памятное его пенсне и колечко с бирюзой, которое стучало по лбу провинившихся мальчишек, и вдумчивые глаза смотрели ласково и грустно, точно видели много, больше, чем вы все, кто бегал и суетился по зале вокруг него» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 7](#)).

С самого раннего возраста Кассиан увлекался предметами истории, «которые не были в его глазах мертвыми, а говорили ему живым и понятным для него языком и воскрешали минувшую эпоху» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 8](#)). Этому способствовало и влияние родственников: его тётя училась у известного искусствоведа Фёдора Ивановича Буслаева, который читал на курсах Герье историю искусства Средних веков. Ф.И. Буслаев мечтал о том, что слушательницы передадут своим детям любовь к его предмету. Среди тех слушательниц, кто ходил заниматься к Ф.И. Буслаеву, была и тётя К.Н. Любарского, оказавшая на племянника значительное влияние. Это дало ей право считать Кассиана Николаевича «духовным внуком Буслаева» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 9](#)).

По окончании реального училища К.Н. Любарский поступил на юридический факультет Московского университета, завершив курс которого, получил место в Архиве Министерства юстиции.

Ещё будучи студентом, увлекался археологией в Историческом и Румянцевском музеях, а также в Рязанской учёной архивной комиссии. Именно тогда он описал ризницу при Рязанском архиерейском доме, употребив новый для того времени метод – фотофиксацию. Он же описал три некрополя в городе Рязани. Кассиан Николаевич был постоянным участником заседаний Московского Археологического общества. В 1913 г., пользуясь отпуском, К.Н. Любарский предпринял путешествие в Туркестан с целью изучения памятников археологии и искусства. При этом он сделал 140 фотоснимков, которые снабдил пояснениями. Составленный им альбом хранится в Государственном историческом музее в Москве (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 14).

В 1914 г. Кассиан Николаевич был командирован от лица Рязанской Архивной комиссии на XVI Археологический Съезд в Пскове, не состоявшийся по случаю начала Первой мировой войны. Летом 1915 г. его командировали от Румянцевского музея на раскопки на западном берегу Кавказа вместе со старшим хранителем музея С.О. Долговым.

Вернувшись в Москву, К.Н. Любарский активно работал в организациях Красного креста, занимаясь размещением беженцев, организацией их питания, отправкой в тыл и организацией транспортов на фронт. В 1916 г. Кассиан Николаевич был мобилизован в действующую армию, несмотря на то, что по российским законам, как единственный сын у матери, он мог быть освобождён от призыва. «В марте он был переведен в Москву в Александровские казармы, 55-й запасный батальон. В мае во время лагеря вызывали знающих языки рядовых перевестись в Архангельск в Главное Артиллерийское управление по переправке грузов. Среди согласившихся был и он. И девятого мая отправлен как вольноопределяющийся с другими девятью на север» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 37). 26 октября 1914 г. в Архангельске произошёл взрыв на пароходе «Барон Дрезен», стоявшем у пристани. К.Н. Любарский серьёзно пострадал: осколками было изрезано лицо, долго пришлось восстанавливать зрение. После лечения он 3 января 1917 г. получил назначение под Мурманск, в город Романов, где занимался отправкой грузов союзникам России в войне и приёмом их помощи. Далее будет военная служба, а также служба при французской военной миссии, но главной сферой его интересов было обустройство бедствующего музея местного края. С приходом Советской власти Кассиан Николаевич по приговору губернской ВЧК был расстрелян 7 августа 1920 г.

Более ста лет прошло со дня гибели учёного, и мы хотим познакомить читателя с личностью одного из представителей российского археологического сообщества, который остался верен научному и гражданскому долгу до конца своей жизни.

4.2. К.Н. Любарский как учёный

Характеристика любого человека науки неотделима от его личностных качеств, и наша композиция статьи во многом условна. В данном разделе мы стремимся представить формирование К.Н. Любарского как археолога, его полевою деятельность и теоретические взгляды. Работа К.Н. Любарского в годы Гражданской войны в России подробно освещена М.П. Мироненко (Мироненко, 2021).

Мы уже отмечали выше, что интерес к древней истории и искусствоведению Кассиану Николаевичу прививали с детства. Подруга его тётки, Екатерина Александровна Григорович, оказала на маленького Кассиана особое влияние; она ходила с ним по музеям, выставкам, церквям, где были старые иконы (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 9). Став зрелым археологом, он, как отмечает его биограф, «умел как никто несколькими меткими замечаниями передать достоинства и недостатки данного произведения искусства. К чужим мнениям был чрезвычайно терпим и своих мнений никому не навязывал» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Для него было характерно непосредственное, эмоциональное отношение к памятникам старины. Путешествуя в 1913 г. по Туркестану, в своё личное время и по собственной инициативе, Кассиан Николаевич писал родным: «Великое прошлое раскинулось здесь во всей своей мыслимой человеческим разумом широте и великолепии» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 14). Его альбом с применённой редкой в то время техникой фотофиксации археологических объектов и содержащий 140 фотографий, казался ему каплей в море по сравнению с тем, что следовало запечатлеть (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 15). По дороге на XVI Археологический съезд в Пскове, К.Н. Любарский побывал в Ростове Великом. Полны поэзии его слова о древнерусской архитектуре: «Шел дождь, но сказочная группа храма-крепости над темными водами холодного озера была прекрасна. И до сих пор в ушах моих звучат необычайные мелодии колокольного звона» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 15). По возвращении из командировки, Кассиан Николаевич переложил услышанные звоны на музыку (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 15).

Учёный размышлял о том, как привить молодому поколению любовь к изучению древностей, готовить научную смену. Во время командировки на Кавказ он пишет: «А если кого нужно сделать, если не археологом, то хоть почитателем старины, то его следует водить не по музеям, где все лежит рядами под стеклом, где ко всему привешен номерок. Нет. Чтобы полюбить и почитать старину, надо придти сюда, где предметы, оставшиеся от былых народов и племен, до сих пор не утеряли своей первоначальной физиономии, а, главное, обстановки. И в этом удивительном соприкосновении с течением веков совсем особыми глазами видишь современную себе частичку жизни. И многое становится маловажным, многое непонятным, непостижимым» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

В своей первой научной работе – описании ризницы Рязанского архиерейского дома, написанной в 1911 г., К.Н. Любарский применяет новый для того времени исследовательский приём – увеличение

фотографического снимка, что позволяет ему, рассматривая древности, «отчетливо отличить все углубления резьбы и по ним судить о формах, употребляемых при работе инструментом» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 1). Он проводит настоящее палеографическое исследование, которое позволяет датировать золотой крест, хранящийся в ризнице, серединой XVI в. (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 2). В его работе сквозит эмоциональное отношение к памятникам: резьбу на дверях ризницы он называет «производящей прекрасное впечатление», парчу саккоса – «обычного для того времени рисунка», резьбу на кресте – «филигранной» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 1-2).

Публикуя описание Рязанского некрополя, К.Н. Любарский делает его в табличной форме, используя по отдельности алфавитный и хронологический принципы, что было ново для того времени. При этом в начале работы он приводит словарь используемых терминов, давая им трактовки. Это является свидетельством высокой научной компетенции учёного. К.Н. Любарский обращается к читателю в надежде собрать сведения о погребённых, «чтобы, приведя в систему, можно было их напечатать. Сведениям этим я придаю огромное значение, как должностным оживить мертвые имена бытовыми и биографическими данными» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 4). Археология никогда не была для него мёртвой наукой, а сам он не был сухим дидактом. О кропотливости и тщательности исследования молодого археолога говорит тот факт, что первая часть его издания содержит 391 запись, вторая – 101 (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 18. Л. 37, 61).

Дневники его поездки по Кавказу не являются в полном смысле «полевыми дневниками» в том значении, в котором данное понятие используют археологи наших дней. Они содержат лирические отступления с описаниями природы, характеристиками людей, которые встречались археологам, записи легенд и сказаний. Но тот факт, что они содержат 27 фотографий, примечателен. Фотофиксация тогда только входила в научный арсенал археологии, и стремление К.Н. Любарского запечатлеть исследуемые объекты рисует нам его как грамотного полевого археолога.

Об этом говорит его указание на точные размеры увиденных дольменов, редкость одного из них как монолита. Демонстрируя широкую эрудицию, К.Н. Любарский перечисляет страны, в которых находятся памятники данного типа. Археолог уже тогда понимал недостатки существующей методики раскопок. Исследовав один из курганов «колодцем», он оставляет запись: «У меня осталось чувство неудовлетворенности по поводу первого кургана, не исследованного нами до конца. Следовало, несмотря на неудобство, рыть в образовавшейся яме, углубляя ее по крайней мере четверти на три. Несомненно, до грунта мы не дошли, поэтому и не видели погребения» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 62).

Археолог проявляет исключительную профессиональную наблюдательность, отмечая в разрезе разрытой канавы остатки культурного слоя (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 80). Будучи прекрасным художником, К.Н. Любарский самостоятельно выполняет на миллиметровой бумаге графическую реставрацию глиняной колонны с резным крестом в $\frac{1}{4}$ натуральной величины, из которой следует, что предмет украшало изображение, употребляя современный термин, «процветшего креста» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2. Л. 88).

Наибольший объем в дневнике К.Н. Любарского занимают описания раскопок христианского храма в городе Хоста, относящегося, как считают современные учёные, к XI в. (Воронов, 1979: 88). На территории памятника обнаружено было двенадцать погребений, каждое из которых тщательно описано. Приведём пример одного такого описания, в котором тщательно указаны поза погребённого и необходимые размеры: «У западной двери, внутри, на расстоянии 1 аршина от стены, найден костяк со сильно раздавленным черепом. Левая рука на тазу, правая вытянута вдоль туловища. Кисть была на расстоянии 6 вершков от бедра. На поясе был ножик. Костяк лежал прямо на обломках черепицы и камнях и был в наклонном положении, при чем ноги были значительно (вершков на 7-8) ниже головы, которая повернута была к правому плечу. Лежал он немного выше уровня порога» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 3). К сожалению, К.Н. Любарский не приводит ни одной фотографии или прорисовки погребений, а также рисунков или фото найденных вещей. Видимо, этого не требовалось по методике раскопок в то время. Он проводит музеефикацию памятника, проводя её в сотрудничестве с инженерами-строителями, и заботится о его сохранности: «Черепица не будет служить лестницей для влезания на стену, которую инженеры обещают зацементировать кругом, равно как и столбы» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 33). Завершив раскопки и консервацию храма, К.Н. Любарский нежно называет его «своим спасенышем» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 40).

К.Н. Любарский приводит в своём дневнике рассказы местных жителей о чудесных кладях и таинственных сундуках, замечая: «Вообще легендами тут все полно и вертятся они все без исключения вокруг кладов, в которых фигурирует непременно плита. Говорят даже, желая указать источник богатства кого-нибудь: “Да ведь он до плиты докопался!”» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 47).

Археолог борется за сохранность памятников. Возвращаясь с Кавказа, в Мариуполе он подаёт в уездную управу обращение, в котором требует обеспечить сохранность, как тогда говорили, «каменных баб» – изваяний, изготовленных степным населением от эпохи железного века до средневековья. Он пишет, что «изображения эти являются, однако, ценными памятниками седой старины, интересными в археологическом, историческом и этнографическом отношениях», и требует изъятия изваяний «из частной собственности и помещения их в городском сквере, гимназических садах или ином подходящем месте, где они могли бы, будучи в сохранности, служить оригинальным

украшением» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 33). Его слова продиктованы не просто профессиональной обязанностью, но ярко выраженной гражданской позицией исследователя: «Теперь, когда особенно выявляется необходимость развития самобытности во всех областях Русской жизни, теперь наступает время для того, чтобы общество приходило на помощь ученым организациям в деле изучения истории родного края и ее вещественных памятников» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 3. Л. 33).

В полной мере деятельность К.Н. Любарского по охране памятников древности и процесс формирования им представлений о задачах археологии приходятся на 1917–1918 гг., что отражено в упоминавшейся выше статье В.П. Мироненко.

4.3. К.Н. Любарский как личность

Высокие моральные качества и активная гражданская позиция учёного формировались с ранних лет. Мать вкладывала всю свою душу в него, старалась развить в нём хорошее и дать как можно лучшее образование. «С юных лет Кассиан Николаевич вел дневник, писал рассказы, в стихах изливал свои переживания, потом стал писать заметки театральные и на современные события» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 10). Кассиан Николаевич был талантливым художником, что впоследствии ему очень помогло в археологической работе. Одна художница выразилась о нём так: «То, что нам дается школою, путем долгого изучения, ему дается сразу» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 10). Увлекала его и музыка; одно время ради занятий композицией археолог забросил свои научные труды. Но музыка органично входила в его жизнь: как мы отмечали выше, впечатления от звонов храмов Ростова он выразил в музыке.

Его биограф характеризует К.Н. Любарского как верного товарища, лишённого сословных предрассудков: «Был скор на помощь словом и делом. Легко дружился с лицами близкими ему по духу самого разнообразного положения и образования. Впоследствии у него были друзья и среди крестьян, и среди аристократии, и среди духовенства» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Он находил общий язык с разными людьми, стремился видеть в них, прежде всего, лучшие черты. О своих проводниках по Кавказу он писал родным: «Славные люди, но большие фантазеры. Много легенд у них о кладях, где вымысел любопытно перемешан с действительностью», а одного из провожатых он называет «юношей с ищущей душой» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24). Из экспедиции по Кавказу он пишет: «На свете, оказывается, не мало добрых людей. По крайней мере все те, от мала до велика, с которыми нам приходилось иметь дело, повертывались к нам добрыми лицами» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 27).

Кассиан Николаевич тонко чувствовал природу: «Горные реки – сказка, не передаваемая ни словами, ни красками, ни нотами. Виды с вершины поразительны» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 23). Он с теплотой вспоминал свои поездки по Туркестану и Кавказу, сравнивая со своей службой на севере: «Я чувствовал себя искрой, пылинкой, среди пустыни раскаленной и безбрежной, но любил ее, любовался ею, ее величием, а с нею любил и себя, т.е. умел взглянуть правдиво, каков я есть, что во мне хорошо, что плохо. В глубоком порыве искреннего благоговения я проникался сознанием присутствия Великого, среди грандиозных горных декораций... Но здесь – ничего нет» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 51). Не случайно в своём альбоме он по памяти воссоздаёт виды среднеазиатских мечетей или кавказские горные пейзажи (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 19).

Тем страшнее Кассиану Николаевичу кажутся ужасы войны, против которой он восстаёт всем сердцем. Он пишет из своей кавказской экспедиции: «Среди невообразимых горных хребтов, переплетающихся бесконечным лабиринтом, среди гор, покрытых девственным лесом, еще ни разу не видевшем ни пилы, ни топора, среди гор, где живут барсуки, медведи, олени, черепахи и орлы, трудно вообразить, что где-то там далеко люди... воюют между собою. Настолько трудно, что слово это я произношу с усилием. С каким-то внутренним удивлением или недоумением, что ли. Настолько непонятным и чудным кажется отсюда мне это занятие» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 25).

В семье были уверены, что, как единственный сын, он не будет призван в армию. Но, получив сообщение о призыве, Кассиан Николаевич не стал искать обходных путей, чтобы избежать службы в армии. В этом видится влияние матери, которая, когда он был уже в казарме, писала своей сестре: «Очень хорошо все, лишь бы его не затуркали и не сбили с прямого пути. Он честно поступил, что пошел этою дорогою. Пусть ею и идет. Так и скажи ему. Чтобы потом не стыдно было смотреть другим в глаза. Если кто и делает разные извороты – пусть их. И пусть они не будут примером. Я им восхищаюсь и мне не стыдно за него. И что бы ему не предстояло – пусть идет прямо» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 36).

Так, прямо, по своей жизни и шёл Кассиан Николаевич. На его творческую душу тяжело действовала казарменная жизнь, но он поддерживал себя осознанием того, что «в скверном можно найти и хорошее, его нужно видеть» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 37). Из военного Архангельска он почти каждый день писал письма родным, в которых описывал свою жизнь и приходившие мысли: «На столе лежит моя деловая записная тетрадь, полученные письма и книга из библиотеки. Эти три занятия – дела, чтение и письма – почти все, и, во всяком случае, самое главное» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 38).

Его биограф отмечает, что Кассиан Николаевич никогда не интересовался политикой. Но революционные события февраля и октября 1917 г. не оставили его безучастным: «Население,

присягающее Временному правительству в ожидании Учредительного собрания. Генералы, солдаты, инженеры, лопари... Совершенно невероятно. Как сон. Немного страшно, как бы сон не превратился в кошмар. Но, надеемся, что все обойдется. Голова кружится от возможностей, как из рога изобилия появляющихся и посыпавшихся в нашу жизнь» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 59).

Любовь к археологии у него не была сухим чувством педанта. Он живо и образно чувствовал красоту памятников старины и умел поэтично выразить свои чувства: «Непосредственное прикосновение к былому, прорыв во времени действует всегда на душу, так крепко привязанную к данному мгновению. Эти храмы прошлого, живущие в настоящем. Окружены ароматом той далекой были, которая обыкновенно лишь со страниц гениальных Забелина, Ключевского и им подобных, в призраках более или менее туманных воскресает для нас. Такое же чувство испытывается во время археологических раскопок. Но разница в том, что там, человек с помощью знаний вырывает из прошлого уже ушедшее из жизни, производя в некотором роде насилие над временем. Как бы воскрешая мертвеца. Здесь же само время сохранило живым тот осколок былого, который, встреченный среди стремительного потока жизни, волнует тех, кто умеет его заметить» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 69-70).

С приходом Советской власти в Архангельск К.Н. Любарский самоотверженно отдаётся борьбе за сохранность памятников древности, получив в заведование Секцию по охране памятников старины и Музеев при Архангельском Отделе Народного просвещения. Эта сторона его работы описана в статье М.П. Мироненко (Мироненко, 2021), к которой мы и отсылаем читателя.

Свой дом в Рязани Кассиан Николаевич завещал музею. Для музея он «заготовил много предметов, собранных им самим, и до 300 книг. Но дом был отнят. Много вещей пропало и было продано, потому что не на что было жить матери и тетке, которые по болезни больше не могли зарабатывать. Мечтам его не суждено было осуществиться» (ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 94).

5. Заключение

Кассиан Николаевич Любарский был настоящим подвижником науки, археологом-романтиком. Любовь и интерес к памятникам старины, заложенные в нём ещё в детстве, он пронёс через всю жизнь. Как археолог К.Н. Любарский с молодых лет зарекомендовал себя тщательным, внимательным исследователем, применяющим новые методы, среди которых, прежде всего, – фотофиксация объектов и фотоувеличение. Будучи прекрасным художником, он самостоятельно проводил графические реконструкции, делал чертежи планов памятников, которые он раскапывал или рассматривал. Его дневник раскопок храма в Хосте на Кавказе сопровождается схемами ведения работ на каждом их этапе. Тот факт, что в дневниках не приведены планы и фотографии обнаруженных погребений, можно отнести к несовершенству тогдашней методики составления полевой документации. К.Н. Любарский осознавал необходимость улучшения методики археологических работ, сомневаясь в целесообразности раскопок курганов, как тогда говорили, «колодцем».

К.Н. Любарский не считал археологию мёртвой наукой, его описания памятников древности полны восхищения и поэзии. При этом он понимал высокий гражданский и гуманистический посыл археологии, предпринимал титанические усилия для сохранения памятников старины.

Кассиан Николаевич был незаурядной личностью. Кроме того, что он был внимательным исследователем, его таланты раскрывались в поэзии, музыке, живописи. К.Н. Любарский был хорошим другом, благодарным учеником и отзывчивым коллегой. Он тонко чувствовал природу, был по-настоящему влюблён в места, которые ему приходилось исследовать, и в памятники, которые защищал, будь то Средняя Азия, Кавказ, Центральная Россия или Русский Север. К.Н. Любарский не жалел сил для своей работы по сохранению древностей, считая такую работу проявлением гражданственности. Он всем своим существом выступал против войны, и, хотя не интересовался политикой, но отказался покинуть страну в годы испытаний. Кассиан Николаевич мог сделать ещё очень много для российской науки и культуры, но гибель в горниле Гражданской войны прервала деятельность археолога. К.Н. Любарский до конца был верен своему научному и гражданскому долгу, являя для археологов наших дней пример по-настоящему подвижнического служения России.

Литература

Валентин Лаврентьевич Янин, 2014 – Валентин Лаврентьевич Янин / Сост. П.Г. Гайдуков, Л.А. Калашникова; авт. вступ. ст. П.Г. Гайдуков, Н.А. Макаров. 2-е изд. М., 2014 (Материалы к биобиблиографии учёных. История. Вып. 37).

Веселовский, 1900 – Веселовский Н.И. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846-1896 гг. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 514 с.

Воронов, 1979 – Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. 128 с.

Жебелев, 2017 – Жебелев С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897-1921. М.: ИНДРИК, 2017. 670 с.

Императорское, 1915 – Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под редакцией графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2: Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. 1915. 256 с.

Историческая записка..., 1890 – Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М.: Синодальная типография, 1890. 305 с.

Клейн, 2011 – Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х тт. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011–2014.

Клейн, 2014 – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.

Лебедев, 1992 – Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. 463 с.

Мироненко, 2021 – Мироненко М.П. Судьба русского археолога на переломе эпох / Традиционные и инновационные методы изучения социальной истории России XII–XX веков: сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М.: Новый хронограф, 2021. С. 185–193.

Московское..., 2024 – Московское археологическое общество (1864–1923 гг.): история, деятели, опыт, наследие: к 160-летию со дня основания: материалы Всероссийских научно-практических конференций и межрегионального научно-практического семинара. М.: Краеведение: Институт наследия, 2024. 479 с.

Очерки..., 2022 – Очерки истории отечественной археологии. М.: Наука, 2022. Вып. 6. 531 с.

Смирнов, 2011 – Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи. М.: Институт Археологии РАН, 2011. 588 с.

Тункина, 2002 – Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России: (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 674 с.

Формозов, 2007 – Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Изд. А. Кошелев, 2007. 183 с.

Формозов, 2004 – Формозов А.А. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: (обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск: Издательство КГУ, 2004. 67 с.

Формозов, 1961 – Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 128 с.

Формозов, 2011 – Формозов А.А. Рассказы об учёных. М.: Флинта, 2011. 122 с.

Формозов, 2004 – Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак, 2004. 315 с.

Формозов, 1986 – Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Формозов, 1984 – Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. 239 с.

Хорошев, 2007 – Хорошев А.С. Арциховский Артемий Владимирович / Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С.8.

References

Formozov, 1961 – Formozov, A.A. (1961). Ocherki po istorii russkoi arkheologii [Essays on the history of Russian archeology]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 128 p. [in Russian]

Formozov, 1984 – Formozov, A.A. (1984). Istorik Moskvyy I.E. Zabelin [The historian of Moscow I.E. Zabelin]. M.: Moskovskii rabochii, 239 p. [in Russian]

Formozov, 1986 – Formozov, A.A. (1986). Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the history of Russian archeology]. M.: Nauka, 240 p. [in Russian]

Formozov, 2004 – Formozov, A.A. (2004). Russkie arkheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists in the period of totalitarianism: historiographical essays]. M.: Znack, 315 p. [in Russian]

Formozov, 2004a – Formozov, A.A. (2004). Istoriografiya russkoi arkheologii na rubezhe XX–XXI vekov: (obzor knig, vyshedshikh v 1997–2003 gg.) [Historiography of Russian archeology at the turn of the XX–XXI centuries: (review of books published in 1997–2003)]. Kursk: Izdatel'stvo KGU, 67 p. [in Russian]

Formozov, 2007 – Formozov, A.A. (2007). Issledovateli drevnostei Moskvyy i Podmoskov'ya [Researchers of antiquities of Moscow and the Moscow region]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi: Izd. A. Koshelev, 183 p. [in Russian]

Formozov, 2011 – Formozov, A.A. (2011). Rasskazy ob uchenykh [Stories about scientists]. M.: Flinta, 122 p. [in Russian]

Imperatorskoe..., 1915 – Imperatorskoe Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.). Pod redaktsiei grafini P.S. Uvarovoi i I.N. Borozdina. Moskva, 1915. T. 2: Biograficheskii slovar' chlenov obshchestva. Spisok trudov chlenov obshchestva, pomeshchennykh v izdaniyakh obshchestva [The Imperial Moscow Archaeological Society in the first fifty years of its existence (1864–1914). Edited by Countess P. S. Uvarova and I. N. Borozdin.

Moscow, 1915. Vol. 2: Biographical Dictionary of members of the society. A list of the works of the society's members published in the society's publications.]. 1915. 256 p. [in Russian]

[Istoricheskaya zapiska..., 1890](#) – Istoricheskaya zapiska o deyatelnosti Imperatorskogo Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva za pervye 25 let sushchestvovaniya [Historical note on the activities of the Imperial Moscow archaeological society for the first 25 years of its existence]. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1890. 305 p. [in Russian]

[Khoroshev, 2007](#) – *Khoroshev, A.S.* (2007). Artsikhovskii Artemii Vladimirovich [Artsikhovsky Artemy Vladimirovich] *Velikii Novgorod*. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov. Entsiklopedicheskii slovar'. SPb.: Nestor-Istoriya, p. 8. [in Russian]

[Klein, 2011](#) – *Klein, L.S.* (2011). Istoriya arkhelogicheskoi mysli [The history of archaeological thought]. SPb.: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011–2014. V 2 t. [in Russian]

[Klein, 2014](#) – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkhelogii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe Vremya [The history of Russian archeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. SPb.: EVRAZIYa, 704 p. [In Russian]

[Lebedev, 1992](#) – *Lebedev, G.S.* (1992). Istoriya otechestvennoi arkhelogii, 1700–1917 gg. [The History of Russian Archeology, 1700–1917] SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 463 p. [in Russian]

[Mironenko, 2021](#) – *Mironenko, M.P.* (2021). Sud'ba russkogo arkheloga na perelome epokh [The fate of the Russian archaeologist at the turning point of the epochs] Traditsionnye i innovatsionnye metody izucheniya sotsial'noi istorii Rossii XII–XX vekov: sbornik statei v chest' Eleny Nikolaevny Shveikovskoi. M.: Novyi khronograf, pp. 185–193. [in Russian]

[Moskovskoe..., 2024](#) – Moskovskoe arkhelogicheskoe obshchestvo (1864–1923 gg.): istoriya, deyateli, opyt, nasledie: k 160-letiyu so dnya osnovaniya: materialy Vserossiiskikh nauchno-prakticheskikh konferentsii i mezhhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar [Moscow Archaeological Society (1864–1923): history, figures, experience, legacy: to the 160th anniversary of its foundation: materials of the All-Russian scientific and practical conferences and the interregional scientific and practical seminar.]. M.: Kraevednie: Institut naslediya, 2024. 479 p. [in Russian]

[Ocherki..., 2022](#) – Ocherki istorii otechestvennoi arkhelogii [Essays on the history of Russian archeology]. M.: Nauka, 2022. Issue 6. 531 p. [in Russian]

[Smirnov, 2011](#) – *Smirnov, A.S.* (2011). Vlast' i organizatsiya arkhelogicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii [The power and organization of archaeological science in the Russian Empire]. M. Institut Arkhelogii RAN, 588 p. [in Russian]

[Tunkina, 2002](#) – *Tunkina, I.V.* (2002). Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii: (XVIII – seredina XIX v.) [Russian science of classical antiquities of the South of Russia: (XVIII – mid-XIX centuries)]. SPb.: Nauka, 674 p. [in Russian]

[Valentin Lavrent'evich Yanin, 2014](#) – Valentin Lavrent'evich Yanin [Valentin Lavrent'evich Yanin]. Sost. P.G. Gaidukov, L.A. Kalashnikova; avt. vstup. st. P.G. Gaidukov, N.A. Makarov. 2-e izd. M., 2014 (Materialy k biobibliografii uchenykh. Istoriya. Vyp. 37). [in Russian]

[Veselovskii, 1900](#) – *Veselovskii, N.I.* (1900). Istoriya Imperatorskogo russkogo arkhelogicheskogo obshchestva za pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya, 1846–1896 gg. [The history of the Imperial Russian Archaeological Society for the first fifty years of its existence, 1846–1896]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya, 514 p. [in Russian]

[Voronov, 1979](#) – *Voronov, Yu.N.* (1979). Drevnosti Sochi i ego okrestnostei [The antiquities of Sochi and its environs]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 128 p. [In Russian]

[Zhebelev, 2017](#) – *Zhebelev, S.A.* (2017). Russkoe arkhelogicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya. 1897–1921 [The Russian Archaeological Society for the third quarter of a century of its existence. 1897–1921]. M.: INDRIK. 670 p. [in Russian]

«Он оставался верен долгу» (к биографии археолога К.Н. Любарского. Дореволюционный период)

Юлия Георгиевна Кокорина ^{а, *}

^а Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена раскрытию биографии малоизвестного российского археолога Кассиана Николаевич Любарского (1886–1920), расстрелянного по приказу Архангельского отдела Всероссийской Чрезвычайной Комиссии в 1920 г. Как показало исследование, К.Н. Любарский был не только профессиональным археологом, но и настоящим гражданином своей страны. Создание жизненного портрета неординарной личности, которой был К.Н. Любарский, определяет

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина)

актуальность данной статьи. Работа выполнена на основе практически не использовавшихся материалов, которые хранятся в архиве археолога, что определяет её новизну. Хронологические рамки работы охватывают жизнь учёного от рождения до революционных событий 1917–1918 гг. Целью работы является не только реконструкция биографии К.Н. Любарского, но и характеристика его как учёного и человека. Анализ архивных материалов показал, что К.Н. Любарский с молодых лет зарекомендовал себя как тщательный и внимательный исследователь, применявший новые для археологии того времени методы, такие как фотофиксация объектов. Во время своей экспедиции на Кавказ в 1915 г. К.Н. Любарский тщательно описывает и фотографирует изучаемые объекты, самостоятельно выполняет графические реконструкции и планы храмов и крепостей. Отсутствие в его дневниках чертежей и фото погребений можно объяснить несовершенством существовавшей в его время методики раскопок, ущербность которой он признавал. Главную цель своей жизни учёный видел в сохранении памятников истории и культуры, за что он активно боролся до последних дней. К.Н. Любарский был незаурядным поэтом, художником, композитором. Он тонко чувствовал природу мест, где ему приходилось работать, обладал высокими моральными качествами, был верным другом и благодарным учеником. В годы Гражданской войны в России он самоотверженно боролся за сохранение памятников Русского Севера от гибели и разграбления, стремился внушить окружающим понимание любви к древностям и чувство патриотизма. По ложному обвинению в сотрудничестве с французскими интервентами был приговорён к расстрелу, повторив судьбу многих энтузиастов науки, погибших в сложное для России время.

Ключевые слова: история России, история археологии, археология Кавказа, искусство Древней Руси, охрана памятников, К.Н. Любарский.